

Л.М. Ганелин

Восток-Запад. Феномены развития.

IV. Наказание-преступление

*Содержание статьи:
о смертной казни,
о смысле наказания.*

Живя по формуле: **преступление – наказание**, человечество с древних пор надеялось этим обрести универсальный способ предотвращения преступлений. Но страх быть наказанным не останавливал преступников ни на Востоке, ни на Западе, и преступлений меньше не становилось. Внутренняя порочность этой формулы могла лишь стимулировать к большей изобретательности сферу преступности, и поощрять к новым «творческим поискам» сферу наказания. В этих поисках человечество возшло на вершину своего «развития», о чём можно судить по дебатам на тему о необходимости смертной казни.

Как же нам удалось взойти к таким «высотам»? Логика этого восхождения проста. Чтобы человек не совершал преступлений, нужен такой закон, которого бы боялись потенциальные преступники и не решались бы его нарушать. Устрашения были и в прошлом: секли плетью, обрубали кисти рук, сажали в тюрьмы, сажали в долговые ямы, сажали на кол, сажали на электрический стул! Но никакие шедевры инженерной мысли не отвращали человека от желания преступить черту. Надежда на страх оказалась большой иллюзией, очевидной для всех. Мало того, страх оборачивался для общества более масштабными преступлениями, ибо преступник, пытаясь скрыть преступление, уничтожал всех свидетелей и даже детей. Вспомним, как после войны (1941-1945г.) ужесточили наказание за изнасилование, и мгновенно вспыхнула эпидемия жесточайших убийств. Жертву нельзя было оставлять в живых, ведь она – свидетель.

Даже такие не слишком обобщённые факты указывают на то, что идти путём ужесточения наказания как профилактики преступлений – бессмысленно и вредно. В подтверждение этому говорят следующие рассуждения. Если рассматривать наказание как терапевтическое средство, должное помочь больному, а совершённый проступок – проявлением болезни, то логичными должны быть требования к терапевту, касающиеся знания им причин, приводящих к данному заболеванию, и знания побочных эффектов от использования этого терапевтического средства.

А что мы обо всём этом знаем?

Мы до сих пор понятия не имеем, ни что есть жизнь, ни что есть смерть, но беспечно голосуем за казнь. Мы научились лишь регистрировать время рождения и смерти человека и выступаем, говоря юридическим языком, скорее в роли свидетелей, но не более. Мы, словно счётчики, выводим цифры рождения и смерти и этим как бы расписываемся в том, что не имеем ни малейшего представления о том, что находится за пределами этих цифр, как в ту, так и в другую стороны – до

прихода в жизнь и после ухода из неё. Границы прихода в жизнь и ухода из неё устанавливаются Свыше. Право на жизнь или право на смерть не может быть человеческим правом; в далёком прошлом это было известно и на Востоке и на Западе, и относились к этому как к само собой разумеющемуся: Бог жизнь дал, Бог жизнь взял.

Допустим, человек совершил преступление, за которое его хотят лишить жизни. У преступления должны быть причины, и эти причины не могут появиться «вдруг». Зададимся следующим вопросом. Какие могли быть основания для возникновения этих причин в прошлые времена, когда жизнь людей была религиозно-регламентированной и каждый человек, выполняя Божественные предписания, не мог, казалось бы, совершить ничего предосудительного?

Что из прошлых времён могло стать основанием сегодняшних преступлений людей? Быть может, что-то непонятое из прошлого оказалось внесённым в нашу сегодняшнюю социальную жизнь и подобно вирусу действует в ней, побуждая человека к проявлению болезни?

Что нам по этому поводу говорит история?

Вспомним про один из тезисов ветхозаветного времени – «око за око, зуб за зуб». Именно его изъясил Новый Завет! Уже тогда Духовный мир пытался донести до человечества, что жить мечтой о мести разрушительно для всех. «Око за око», как принцип, мог лишь вызвать цепь новых преступлений, но не мог их погасить, остановить, и весь исторический путь человечества – тому иллюстрация. Израильско-палестинские события, Кавказ, Балканы и другие «горячие» точки Земли нагляднее всего показывают, к чему приводит отрицание Божественной мудрости оставленной нам для нашего же блага. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...». Эти слова нагорной проповеди Христа были совершенно невероятными в те далёкие годы, когда действовали простые и понятные наставления Ветхого Завета о том, что нужно любить ближнего своего и ненавидеть врага. Но и сейчас слова Христа не поняты и пример Максимилиана Волошина о вершине истинной христианской любви, когда мать сможет усыновить убийцу своего сына, вызывает у многих содрогание и недоумение! Сейчас такие вершины нравственности, наверное, и церкви в диковинку. Ведь выступали же священнослужители за введение смертной казни. Этот факт телезрительской аудиторией был воспринят несколько лет назад вполне в духе времени, но сейчас разговор не о моральности представителей Церкви, а о смысле наказания и о его крайней форме – лишении жизни. Как могло получиться, что новозаветные принципы, данные 20 веков назад, игнорируются до сих пор? Что нам не позволяет их принять? И что побудило, к примеру, Волошина не только воспринять новые заповеди, но и следовать им на протяжении всей своей не простой жизни?

Из поэтической философии М. Волошина и воспоминаний о нём можно сделать вывод, что представления о мире у него не были узко материалистическими. Он не только верил в мир Духа, но и **знал** о нём. Он знал, что всё, что человек совершает в этой жизни, всё, что он стремится совершить или только обдумывает, как совершить, – всё это в душе запечатлевается и остаётся в ней после смерти, а в

следующей жизни выступает в качестве причинно-воспитательного средства для исправления тех или иных ошибок и односторонностей. То есть, Волошин знал, что **карма и перевоплощение** – истинные воспитатели человечества и полностью согласуются с Христианством. О перевоплощении как о «Воспитании рода человеческого» говорил и Лессинг. Но именно знание о карме и перевоплощении выпало из духовного опыта Европейской Культуры двух последних тысячелетий! Уже на протяжении последнего тысячелетия до Христа перевоплощение воспринималось более как инстинктивное чувство. В качестве же знания оно было раньше – во времена расцвета жречества. Не удивительно, что в первые столетия Христианской эры, ни о каких прошлых жизнях и перевоплощениях уже не могло быть и речи, – всё было забыто, а того, кто мог об этом знать, объявляли язычником. В IV веке за «хорошую память» о прошлых земных жизнях даже Юлиану Апостате¹ пришлось поплатиться жизнью.

Сегодня без знаний о карме и перевоплощении мы превратились в счётчики. Мы считаем всё подряд, все события на свете, но не вникаем в существо самих событий, мы не способны видеть их причинно-следственных связей. Но почему богословы до сих пор не могут преодолеть догматизма первых столетий и не позволяют говорить о перевоплощениях, о которых говорил даже сам Иисус Христос? В 11 и 17 главах Евангелия от Матфея любой желающий может об этом прочесть сам. Неспособность преодолеть догматизм имеет свои причины и корни. Вспомним, что в первом веке ветхозаветные ценности тоже поддерживались законниками и книжниками – своего рода юристами того времени, – неспособными в своих воззрениях подняться выше земных сиюминутных представлений и что-либо пересмотреть. Они несли в себе эгоистическую печать римского религиозно-правового начала, всё более проникавшего в Христианство. Оно пропитывалось этим рационально-абстрактным духом и настолько заземлилось и отяжелело, что запрету подверглись не только знания о карме и перевоплощении, – запрету подвергся и сам Дух. В 869 году на Константинопольском Соборе епископы решили, что Духа не существует вовсе и что человек является носителем только души и тела. Таким заявлением епископы не просто раскололи весь христианский мир, но и толкнули его в объятия материализма. Этим самым, всей европейской культуре был нанесён удар, последствия которого мы ощущаем в полной мере и в наше время. Человеческая жизнь, рассматриваемая вне связи с Духовным миром, стала терять какую бы то ни было ценность. Можно сказать, что древнеримский вирус, в материалистическо-юридическом облачении прижился в богословских кругах и повлиял на все сферы социальной жизни. Этот вирус и не позволяет Церкви преодолеть ранний догматизм и заговорить о перевоплощении души и, следовательно, не позволяет изменить взгляды на истинные корни преступности и истинную сущность наказания, включая смертную казнь. Духовный мир стал для нас абстрактным. И неудивительно, что этот материалистическо-эгоистический вирус уже давно нам шепчет на ухо: ты живёшь одну жизнь, не теряйся, бери от жизни всё, не упusti свой звёздный шанс. Вот мы и стремимся не упустить и, не задумываясь ни о каких перевоплощениях, нарушаем, нарушаем и нарушаем. Но есть одно но... Юристы часто нас предупреждают, что незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение! Точно также нас не освобождает от ответственности незнание законов КАРМЫ.

О законах кармы в далёком прошлом знали все народы от своих посвящённых, потому не случайно на Руси и в ряде стран Европы трудно было найти палача для казни. Тогда ещё помнили, что, лишив человека жизни, палач отвечает за это как конкретный человек, вмешавшийся в судьбу другого, хотя и по приказу. О карме много ценного сказала Духовная наука – Антропософия². И к ней стоит прислушаться. Из духовной науки следует, что в каждом воплощении человек себе выбирает страну, семью и всё для того, чтобы отдать долги и суметь себя изменить, улучшить, т.е. избавиться от какой-либо односторонности, оставшейся от прошлой жизни.

Нам недостаёт знаний о том, что всё, о чём мы думаем в жизни, о чём мечтаем, и что осуществляем – как сумма душевных усилий и устремлений – конденсируется в нас, живёт с нами и продолжает жить в нашей душе и после смерти. И если человек в этой жизни не мог привести к гармонии тело, душу и дух, а допустил односторонность в своём развитии и, что ещё хуже, гипертрофию каких-то душевных качеств, к примеру, был ярко выраженным педантом, с холодной рассудочностью и бессердечием, то в следующей жизни эти качества (их «душевный конденсат») рассасываются или точнее говоря, преодолеваются туберкулёзом, который как «визитку» о прошлом оставляет человеку в лёгких известковые капсулы. Туберкулёз может возникнуть и как результат коллективной ненависти, к примеру, классовой.

Стоит знать, что душевный конденсат, образовавшийся в результате злобы, лжи и воровства, в следующей жизни, помимо соответствующих болезней, вызовет изменение внешнего вида. На лицах таких людей как на справке будет написано, кто они такие. Если в этой жизни (в наше время) пороки ещё можно скрыть за внешней вывеской (некоторым трудно и сейчас), то в будущем скрывать не будет ни возможности, ни необходимости: каждый будет нести на лице свою печать.

Если бы человек знал, что слишком ярко выраженный эгоизм в этой жизни – в следующей гасится малярией, и наоборот – слишком слабое чувство Я вызовет в следующей жизни холеру; если бы человек знал, что воровством он «...закладывает в своё существо зародыш развития отвратительной слизистой субстанции с омерзительным запахом, который он будет распространять вокруг себя в будущем»³; если бы человек знал, что чувственные излишества в одной жизни, ему придётся выправлять воспалением лёгких и лихорадкой в следующей жизни и что все его качества воздействуют не только на него самого, но и на весь Космос, то есть, если бы человек знал в полной мере о кармических последствиях данной жизни, – ему бы тогда были понятны слова Христа в Нагорной проповеди, и совершать какие-либо преступления стало бы невозможно.

Но мы ещё не доросли до признания кармы и призываем рубить дракону головы, не замечая, что у него вместо одной отрубленной вырастают две новых. И это не художественный образ, а реальность. Обесценив человеческую жизнь, материализм привёл общество к тому, что оно стало проявлять своеобразное безумие и восходить к смертной казни не только в сфере «наказания». Ростки этого безумия мы можем наблюдать повсюду: в создании пищевых продуктов, от которых возникают ряд болезней и укорачивается жизнь; в создании вредных химических материалов, которые, подобно формальдегиду, идут в различные производства,

вплоть до детских игрушек, и медленно травят всех; в создании лекарств, побочный эффект которых, в десятки раз превышает опасность основного заболевания; в создании химических удобрений, отравляющих нас; в создании различных электроприборов, разрушающих своими частотами человека и его экосистему; в повышенной шумности; в ранней интеллектуализации детей, приводящей их в зрелом возрасте к тяжёлым болезням и самоубийству. И в этом безумии уж совсем невероятным выглядит то, что самая гуманная профессия – профессия врача, стала своим искусством конкурировать с судебной-правовой системой, и даже подражать ей в выборе «терапевтических» средств. Судите сами, система правоохранения, выступающая в роли социального терапевта, не найдя ничего лучше для лечения социальных болезней, предлагает, в качестве терапевтического средства, смертную казнь. Системе правоохранения вторит система здравоохранения и, по аналогии с ней, предлагает от головной боли гильотину, а точнее – её современный аналог – эвтаназию⁴. Безусловно, понятие больного можно, особенно тогда, когда он прикован к постели и, устав от мучений, просит помочь ему уйти из жизни. Но нужно иметь в виду, что больной, хотя и проявил слабость, но всё же, подсознательно-то сам себя вывел на эту болезнь, т.к. она ему была нужна. Он нуждался в этом тяжёлом состоянии для преодоления внутренней односторонности, и мешать ему в этом – значит совершать преступление. Поэтому активная эвтаназия для больного – способ ухода от кармы, а для врача – создание кармы убийцы (подобная карма ожидает и врачей абортариев, и тех, кто убивает самих себя – самоубийц).

Говоря о смертной казни нельзя не коснуться одной особенности. Она состоит в следующем. Судебно-правовая система призвана помогать человеку двусторонне. И тому, кто пострадал, и тому, кто совершил преступление. А что происходит в случае казни? Помощи казнь не может принести ни одной из сторон, – ни пострадавшему, ни осуждённому. Быть может у казни есть более высокий «гуманный» аспект, и нам ещё предстоит его осмыслить? Давайте посмотрим на казнь с точки зрения её последствий как для судей так и для осуждённого?

Для людей, желающих смерти преступника, казнь – шаг назад, она отбрасывает их в развитии, хотя и вызывает эгоистическое удовлетворение. При этом все представители пострадавшей стороны нарачивают как бы естественные и справедливые чувства мести и ненависти, кульминация которых приходится на судебное заседание. Все эмоции, страсти, аффекты не остаются внутренним переживанием, а активно воздействуют на всех окружающих людей (естественно, не только в пределах зала заседания) и на существ духовного мира, привлекая к себе далеко не безобидных из них. В это время повышается конфликтность, портятся взаимоотношения между людьми, а особо восприимчивые и неуравновешенные люди могут наделать много непоправимого. Но более всего от этого страдают дети, которым не исполнилось семи лет. Они, как клише, всё это воспринимают (до трёх лет особенно) и несут в свою дальнейшую, взрослую жизнь, зародыш жестокости.

Осуждённому же казнь не оставляет никаких возможностей для совершенствования. Но хуже всего, если казнили человека за его убеждения (какими бы они ни были), которые так и остались непоколебимыми. В связи с этим

примечательно одно из сверхчувственных исследований Рудольфа Штейнера о русских идеалистах, принявших смерть на плахе и оставшихся убеждёнными в своей правоте. Это были люди высоких идеалов, но не настолько развитые, чтобы прощать. Они приняли смерть с сильным чувством мести по отношению к тем, кто был причиной их смерти. Жажда мщения была у них столь сильна, что во время русско-японской войны они наполняли души японских воинов ненавистью и жадной мести против народа, к которому сами принадлежали. Если бы прошло больше времени после их казни и их души оказались бы в другой сфере духовного мира, то они бы сказали: Я прощаю своим врагам! Ибо «...они увидели бы по выступающим им навстречу тучам ненависти и мести, сколь ужасны и непристойны такие чувства⁵». Мы видим, что казнь может сыграть роковую роль в судьбе не только одного человека, но целого народа, и что она не только не помогает кому-либо, но наоборот, – негативно влияет как на казнённых, так и на остающихся жить. Понимая эти вещи, можно сказать, что кровная месть сегодня – это атавизм, и кто ей следует, демонстрирует в полной мере свой уровень развития. Сегодняшние террористы, к примеру, – это люди заблудшие и крайне, односторонние. Казнив их, мы готовим этим новую волну ненависти и мести против самих себя.

А как быть с убийцами-маньяками, у которых за душой длинный список жертв и которые далеки от благородных идеалистов прошлого?

С ними как раз сложнее всего, т.к. каждый убийца – это человек, которым полностью овладевают и манипулируют отставшие в развитии определённые агрессивные существа духовного мира. Иногда они овладевают оболочкой человека при зачатии, оттесняя человеческую сущность. Казнь человека, одержимого такого рода существами, будет означать для этих существ освобождение от одной оболочки и возможность овладения другой. Это значит, что вскоре могут начаться подобные же преступления в другом месте. Подобных случаев будет всё больше, и об этом предупреждала **Духовная наука** ещё в начале XX века. Нам следует отбросить невежественные предубеждения и внимательно отнестись к подобным фактам.

Таким образом, задумываясь над проблемой предотвращения преступлений и над проблемой терапевтических средств, можно придти к следующим выводам. Общество больно, и причины болезни нужно искать в том, каким ценностям мы отдаём предпочтение, и насколько эти ценности соответствуют сегодняшним задачам духовного восхождения человечества. Мы видим, что внесённый в современную жизнь из прошлого римский вирус, привёл к тому, что духовные ценности постепенно стали носить абстрактный характер, и ушли на второй план, а на первый план вышли ценности материальные. Их то и защищает судебно-правовая система, корни которой можно разглядеть в древнем эгоистическо-диктаторском Риме. Конечно же, этой системе чужды заповеди Христа и она никогда не приемлет: «не судите, да не судимы будете». Эта правовая система и сегодня стоит на страже интересов материального мира и человек, как духовное существо – ей чужд! Поэтому, пока мы не осознаем причин болезни, и не воспримем **Духовный мир** как реальный, с его **космическими законами, кармой и перевоплощением**, а нашу жизнь со всеми её хитросплетениями, удачами,

бедами и болезнями как результат нашей прошлой жизни, подчиняющейся этим космическим законам, – до тех пор нам не справиться с преступностью и не преодолеть разобщённость общества.

Примечания:

1. Юлиан Апостата (Отступник) – римский император (331-363г.г.) Хотел древнюю мудрость Эливинских мистерий соединить с Христианством. Был убит солдатом христианином в 363 году.

2. Антропософия – Духовная наука, рассматривающая Законы Вселенского развития и их взаимодействие с человеком. Её основатель Рудольф Штейнер - (1861-1925) - австрийский учёный, основал точный научный метод исследования сверхчувственного мира; благодаря этому методу, к примеру, открывается взаимосвязь социальной жизни с дальнейшим развитием Человека и Земли. Идеи признаны во всём мире. Наследие (354 тома) опубликовано на всех европейских языках.

3. Рудольф Штейнер. Полное собрание трудов, т. 127 стр. 9.

4. Эвтаназия (от греческого e.u – хорошо и tha.natos – смерть) – намеренное умерщвление больного, дабы уберечь его от страданий.

5. Отрывок взят из книги Рудольфа Штейнера – «Теософия Розенкрейцера», (стр. 65). Москва 1999г. Из-во «Энигма».